

КОММУНИКАТИВНАЯ, ИНТЕГРИРУЮЩАЯ РОЛЬ КУЛЬТУРЫ КАК МЕХАНИЗМА ПРЕВЕНТИВНОЙ ПОЛИТИКИ

Для осуществления современной социокультурной и политической деятельности как с позиций методологических и стратегических, так и в конкретно-практическом отношении чрезвычайно важно понимание как эвристически значимых оснований поисков современной этнокультурной, политической идентичности, так и взаимосвязи идентичности, культуры и диалогических отношений. От этого, к примеру, зависят следующие направления деятельности:

1. Формирования молодых политиков, лидеров, способных принимать эффективные, взаимоприемлемые решения, согласующихся с культурой демократии;
2. Управление производственно-техническими, коммуникативными и иными процессами жизнедеятельности людей;
3. Прогнозирование, проектирование и регулирование новых методологий.

Как по этому поводу заявляет А.Я. Флиер, в ходе «информационной революции», охватившей человечество во второй половине XX в. и затрагивающей главным образом технологии процессов жизнедеятельности людей, неизбежно наступит этап «революции в области прогнозирования и проектирования». Поэтому высококвалифицированные специалисты-культурологи, политологи со знанием закономерностей социокультурного развития, порождения и внедрения инноваций, методологий и методов социокультурного проектирования и регулирования, а также исторического, политического опыта социальной самоорганизации и саморегуляции сообществ окажутся востребованными в наибольшей мере [5]. С развитием технологии и информационных процессов весь мир стал не только свободным полем диалогов и полилогов. В виду того, что «повсюду проложили межчеловеческие коммуникации, повсюду создали возможности сотрудничества, концентрации сил, взаимопонимания», по словам Й. Хейзинги, он «стал управляемым» [6].

Начиная с эпохи Нового времени, отчетливо начала проявляться взаимосвязь и взаимообусловленность культуры и политики. (Политика – система договоренностей нескольких субъектов, действующих в одном поле). Именно культура становится сегодня тем «языком», на котором может быть построена вся система современных отношений, внутренних и внешних. Здесь важно отметить значение собственных этнокультурных и национальных традиций, культурного потенциала страны и народа для формирования политического имиджа, построения конструктивного диалога с другими государствами, которое осознается прогрессивными политиками и активно, целенаправленно используется на практике.

Приемы, лежащие в основе политической деятельности, как правило, рационалистичны, сфера политики глубоко прагматична. Э. Геллнер указывал на то, что существует установившаяся практика достижения согласия, «а язык политических дебатов преимущественно утилитарен. Поэтому в ситуации, требующей решения глубоких, не подлежащих юрисдикции рациональности вопросов, политические деятели утрачивают привычную и надежную опору» [2].

В этом случае именно культура и только культура может ограждать от крайних мер: она выступает как носитель рационалистического языка и коммуникатор. Значение культуры в модели политического конфликта, Г.Зиммель раскрывает в своей работе «Конфликт современной культуры». Он утверждает, что разбиение конфликтов – «это путь обновления всей культуры» [4]. Коммуникативный подход, который мы используем

в исследовании диалога как оппозицию конфликту, подразумевает понимание культуры как диалога культур.

Рациональное решение этих проблем достигается разными методами, в том числе и методом моделирования. На основе анализа самих моделей делаются выводы о наиболее эффективных способах разрешения конфликтов и управления ими. Политический консенсус, как политическое согласие субъектов политической деятельности в тех или иных вопросах, достигается в условиях глубокого понимания социально-политической ситуации, проявления политической мудрости и воли. Несмотря на политическую напряженность, культурные связи продолжали и продолжают существовать, зачастую базируясь на исторических традициях и формах, которые были ранее наиболее популярны. Особенность международных культурных контактов, в отличие от политических, базируется на их определенной инерции, которая продолжает существовать, независимо от сиюминутных политических реалий.

С. Аверинцев, ссылаясь на К. Ясперса, Г. Марселя, М. Бубера и М. Бахтина, апеллирует к переводу понятия диалога из литературного жанра в категорию политической философии. «Жизненно важно, чтобы встреча позиций не превратилась в их индифферентное смешение. Это – трудно; но все иное – гибель, если не физическая, то духовная. Даже ядерная смерть едва ли больше чем импликация того, что у Ясперса называется «*abgebrochene Kommunikation*» – (разрыв общения). Величайший риск и величайший шанс заключены в том, что мы наконец понимаем: из сегодняшней культуры никто не должен быть исключен <...>, даже в тех обстоятельствах, когда неясно все остальное, это достаточно ясно. Здесь причина, по которой идеологии исключительности, подобные национал-социализму, представляют несравнимо большее духовное зло, нежели худшие взрывы конфессиональных преследований и ксенофобии в прошлом; тогда принцип исключения находил соответствие в объективной структуре цивилизации, теперь этого нет» [1]. Тем самым разум политизируется, предопределяя диалогизм культурного разнообразия как парадигму мышления и существования. Соответственно диалог воплощает тенденцию межцивилизационного взаимодействия, сосуществования различных этнокультурных и религиозных общностей, стратегию взаимосвязи национальных государств, взаимопонимание индивидуальностей. Этот теоретический посыл также лег в основу нашего исследования.

Культура в третьем тысячелетии проявляет себя не только как способ саморазвития и самосовершенствования, резонатор противоречий бытия, но и как система превентивной политики, которая маркирует основные акценты развития современности. Не случайно ЮНЕСКО отмечает, что «В новом тысячелетии нам уготовано жить и работать перед лицом открытий и потерь. Глобализация полностью обнажила взаимоотношения человечества. Человек оставлен один на один со своей судьбой, и это тревожная перспектива»[3]. Культура не просто провоцирует интерес к судьбе человечества, но и способна предопределить тенденции его развития, поскольку именно культура несет в себе идеалы, на которых покоится дух эпохи. В данном контексте слова Андре Мальро о том, что XXI век будет веком духовности, веком диалога, или XXII века не будет вовсе, звучат символически.

Уникальным образованием, обеспечивающим разнообразие, взаимодействие и диалог культур, этнических и конфессиональных общностей в рамках целостного исторического, цивилизационного и геополитического образования, как утверждали российские ученые – участники евразийского движения в 20–30-х годах XX века, стала Евразия [7]. Классическое евразийство – это огромное интеллектуальное богатство, которое еще предстоит освоить.

Современные исследователи А. Панарин, Б. Ерасов, С. Пушкин, Г. Сачко, основываясь на идеях П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского, Н.С. Трубецкого, Л.Н. Гумилева, Н. Бердяева и др. продолжают развивать евразийскую концепцию. Эта концепция направлена на развенчание существующего до сих пор предрассудка о том, что

существует только одна непрерывно развивающаяся культура, что все прежние культуры являются не чем иным, как ступенями единой лестницы, вершина которой – западная (европейская или ее современная модификация – американская) цивилизация, и что стремление приблизиться к ней есть задача всего человечества. Они считают, что оценка западной цивилизации как венца эволюции – это заблуждение самих европейцев, основанное на подмене понятий: под «общечеловеческими ценностями», «общечеловеческой цивилизацией» на самом деле ими понимаются только ценности западного мира культуры [8].

Грамотно интерпретируемая евразийская концепция, построенная с учетом новых социально-исторических, политических, культурных реалий, может стать основой объединительной идеологии для постсоветских Центрально-азиатских государств. Речь при этом не идет об их возврате к единой политической идеологии. Евразийская концепция в работе трактуется как своего рода «идеология» – система идей, пронизывающая всю деятельность государства и ее граждан, система прежде всего культурных ценностей и нравственных ориентиров, способствующая консолидации общества и реализации общей стратегии развития стран Центральной Азии.

Культура, будучи процессом духовного, интеллектуального, творческого общения, подразумевает взаимное обогащение новыми идеями в контексте диалога и выполняет, таким образом, важную коммуникативную функцию, объединяя различные по своей социальной, этнической, религиозной принадлежности группы людей. Поэтому в условиях полиэтничного, поликонфессионального Кыргызстана для сохранения и упрочения стабильного, безопасного развития необходима культурная политика, основанная на управлении культурным многообразием и интегрирующей, превентивной функции диалога.

Не случайно ЮНЕСКО отмечает, что «В новом тысячелетии нам уготовано жить и работать перед лицом открытий и потерь. Глобализация полностью обнажила взаимоотношения человечества. Человек оставлен один на один со своей судьбой, и это тревожная перспектива» [3].

Культура не просто провоцирует интерес к судьбе человечества, но и способна предопределить тенденции его развития, поскольку именно культура несет в себе идеалы, на которых покоится дух эпохи. В данном контексте слова Андре Мальро о том, что XXI век будет веком духовности, веком диалога, или XXII века не будет вовсе, звучат символически.

Литература:

1. Аверинцев С.С. Противочувствия // Красная книга культуры... - С. 337–338.
2. Геллнер Э. Разум и культура: Историческая роль рациональности и рационализма. – М., 2003.
3. Диалог цивилизаций: Материалы Регионального форума ЮНЕСКО. Охрид. Македония 29–30 авг., 2003. – С. 111.
4. Современная культурология: Объект, предмет, структура // Общественные науки и современность. – М., 1997. – № 2.
5. Флиер А.Я. Современная культурология: Объект, предмет, структура // Общественные науки и современность. – М., 1997. – № 2.
6. Хейзинг Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. – М., 1992. – С. 353.
7. Участниками евразийского движения были выдающиеся российские ученые первой половины XX в.: всемирно известный филолог Н.С. Трубецкой, географ, экономист и философ П.Н. Савицкий, правовед, философ Н.Н. Алексеев, богослов Г.В. Флоровский, видный искусствовед П.П. Сувчинский, историк, религиозный мыслитель Л.П. Карсавин и др. Одним из создателей исторической концепции евразийства явился признанный в последнее время историк Г.В. Вернадский. К евразийцам принадлежал религиозный философ, юрист В.Н. Ильин, Н. Данилевский, Н.

Бердяев, П.Н. Савицкий и другие русские ученые послеоктябрьской эмиграции. См.: Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997; Трубецкой Н.С. История. Язык. Культура. – М., 1995; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – Л., 1989; Карсавин Л.П. Введение в историю. – СПб., 1920.

8. Франк С.Л. Очерки методологии общественных наук. – М., 1992; Видеман В.В. Евразийство – будущее России: диалог культур и цивилизаций: Материалы Междунар. конф. – М., 2001; Назарбаев Н.А. К обновленному Казахстану – через углубление реформ, общенациональное согласие. – Алматы, 1994; Пушкин Н.С. Историсофия евразийства. – СПб., 1999; Ларюэль М. Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология // Вестник Евразии. – 2000. – №1(8).